
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
SCIENTIFIC LIFE

**«Культурная психология» Л.С. Выготского
в оптике Спинозы и Маркса**
Рецензия на книгу С.Н. Мареева
«Л.С. Выготский: философия, психология, искусство»
М.: Академический проект, 2017. (Философские технологии). 227 с.

А.Д. Майданский*,
ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ», Белгород, Россия,
caute@nm.ru

В рецензируемой книге критически реконструируется методология культурно-исторической теории Л.С. Выготского, восходящая к философским учениям Спинозы и Маркса. Второй и третий разделы книги отведены опытам применения понятийного аппарата этой теории в области психологии искусства и педагогики. Книга С.Н. Мареева представляет собой не столько комментарий к текстам Выготского, сколько критический анализ понятий «культурной психологии» и попытку раскрыть их эвристический потенциал. Мареев пытается исправлять мысль Выготского в духе «деятельностной» психологии А.Н. Леонтьева и Э.В. Ильенкова. Вместе с тем Мареев декларирует необходимость повернуть культурно-историческую психологию лицом к Спинозе, однако в его книге практически игнорируется развитая в «Этике» теория аффектов, в которой Выготский усматривал «руководящее начало» новой психологии. Здесь, по словам Выготского, впервые вырисовывается настоящий предмет психологии как науки — «реальное своеобразие психики» и верно ставится «центральная проблема всей психологии — свобода». Ни Мареев, ни его учитель Ильенков, ни прямые ученики Выготского не сумели понять и продолжить эту его спинозистскую мысль.

Ключевые слова: Выготский, Спиноза, Маркс, культурно-историческая психология, принцип деятельности, аффект, свобода.

**L.S. Vygotsky's "Cultural Psychology"
through the Lens of Spinoza and Marx**
A book review of: S.N. Mareyev «L.S. Vygotskii: filosofiya, psikhologiya,
iskusstvo» ("L.S. Vygotsky: Philosophy, Psychology, Art").
M.: Akademicheskii proekt, 2017. (Filosofskie tekhnologii). 227 s.

Для цитаты:

Майданский А.Д. «Культурная психология» Л.С. Выготского в оптике Спинозы и Маркса // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, № 1. С. 126–130. doi: 10.17759/chp.2018140114

For citation:

Maidansky A.D. L.S. Vygotsky's "Cultural Psychology" through the Lens of Spinoza and Marx. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* = *Cultural-historical psychology*, 2018. Vol. 14, no. 1, pp. 126–130. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2018140114

* *Майданский Андрей Дмитриевич*, доктор философских наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ»), Белгород, Россия. E-mail: *caute@nm.ru*
Maidansky Andrey Dmitrievich, PhD in Philosophy, Professor, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia. E-mail: *caute@nm.ru*

A.D. Maidansky,

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia,
caute@nm.ru

The book under review critically reconstructs the methodology of L.S. Vygotsky's cultural-historical theory that traces back to Spinoza and Marx. The second and third parts of the book focus on the experiences of applying the conceptual framework of this theory in the field of psychology of art and pedagogics. The book by S.N. Mareyev appears to be not so much a commentary to Vygotsky's texts as a critical analysis of the concepts of cultural psychology and an attempt to reveal their heuristic potential. Mareyev tries to re-establish Vygotsky's ideas the way it was done in the framework of Leontiev's and Ilyenkov's activity psychology. At the same time, Mareyev declares the importance of turning cultural-historical psychology around to face Spinoza; however, the book practically ignores the concept of affects that was developed in the Ethics and that Vygotsky considered to be the 'guiding beginning' of the new psychology. It is here that, in Vygotsky's words, the genuine subject of psychological science, 'the real uniqueness of mind', emerges for the first time ever and 'the central problem of all psychology, freedom' is defined. Unfortunately, neither Mareyev, nor his teacher Ilyenkov, nor Vygotsky's direct disciples could comprehend and further develop this Spinozian idea of his.

Keywords: Vygotsky, Spinoza, Marx, cultural-historical psychology, activity principle, affect, freedom.

В 2016 г. исполнилось 120 лет со дня рождения Льва Семеновича Выготского. Увы, ни одной монографии, посвященной «Моцарту психологии», в том году на русском языке не появилось. Две ценные книги вышли в свет годом позже — сборник избранных заметок из архива Выготского под редакцией Екатерины Завершневой и Рене ван дер Веера [6] и рецензируемая работа Сергея Мареева. Издание же Полного собрания сочинений Выготского, пока что ограничилось одним томом (такими темпами последний, 16-й том появится в середине столетия — читателям стоит запастись терпением и здоровьем, если хотят дожить).

Для понимания мысли Выготского необходимо вооружиться мощными «лупами» Маркса и Спинозы — под их флагами создавалась «культурная психология». Так и поступает С.Н. Мареев. Сегодня мало у кого в арсенале сохранился этот философский инструментарий. Молодые специалисты прочитывают Выготского в меру своей собственной философской подкованности, апеллируя к Хайдеггеру и Витгенштейну; американцы читают его через прагматистское пенсне, и т. д. Можно представить себе, что сказал бы на это Выготский, воспитанный на высокой философской классике... Его прощальный завет потомкам — следовать за путеводной «звездой Спинозы». А кто из ближайших учеников Выготского хоть раз взглянул на эту звезду в телескоп современной психологии? Не говоря уже о том, чтобы рассмотреть в ее свете главные проблемы этой науки.

Изложенное в «Этике» учение об аффектах Выготский называл «пролегоменами к психологии человека». Здесь впервые вырисовывается настоящий предмет психологии как науки — «реальное своеобразие психики» и верно ставится «центральная проблема всей психологии — свобода».

Выготский декларирует намерение идти по стопам Спинозы в исследовании человеческой души: «Спинозе удалось образовать идею человека etc. Эта идея может быть руководящей для психологии человека как науки... Она — говоря шекспировским

языком — показывает человека во всем значении слова. Этим она указывает психологии человека ее истинный объект. Ессе homo» [6, с. 260]. Школа Выготского, его прямые ученики пренебрегли указаниями учителя, распрощавшись с автором «Этики» и позабыв его «идею человека».

В своей книге Мареев старается исправить это упущение и, по мере сил, вновь повернуть культурно-историческую психологию лицом к Спинозе. Но все же главным предметом исследования в этой книге является *метод* Выготского — историческая и материалистическая диалектика. И она, по сути, забыта большинством современных поклонников Выготского, рискующим утопить культурно-историческую психологию в глубоко чуждых ей философских омутах.

Сама диалектика, впрочем, может быть понята по-разному. Современники Выготского — Деборин и его команда — трактовали диалектику как универсальный ключ к решению любых научных проблем. Для Выготского диалектика — научный компас, дающий ученому общие теоретические ориентиры, но не навязывающий никакого конкретного направления движения мысли в той или иной предметной области. Выготский выступал против «непосредственного приложения» диалектического метода к наукам. Психология должна выработать *свой собственный, конкретный метод исследования*, ориентируясь на общую теорию диалектики и учитывая ее специальное применение в «Капитале» Маркса.

При этом важно строго определить *границы* психологического исследования, за которыми метод утрачивает всю свою конкретность и превращается в абстрактный метафизический принцип, объясняющий все и вся вокруг, как это случилось с фрейдовским психоанализом, павловской рефлексологией, персонализмом и, наконец, гештальтпсихологией. Гештальты были «... открыты в физике и химии, в физиологии и биологии, и гештальт, высохший до логической формулы, оказался в основе мира; создавая мир, бог сказал: да будет гештальт — и стал везде гештальт», — иронизировал Выготский [2, с. 307–308].

То же самое приключилось и с диалектикой — сначала в руках Гегеля, а затем и у марксистов-диалектиков, учеников Плеханова, утверждает Мареев. Из конкретной теории мышления и «логики дела» (Маркс), она превратилась в универсальную схему мироздания, и далее — в «научное мировоззрение пролетариата». После чего все новое в науке, противоречащее «вечным истинам» этого мировоззрения — не только открытия Выготского, но и целые отрасли знания: квантовая физика, генетика и кибернетика, — клеймилась как идеализм, лженаука, реакционная схоластика, а то и «продажная девка буржуазии».

Создание конкретной, эвристически мощной методологии культурно-исторического исследования психики — главная заслуга Выготского перед наукой. Он не успел разработать полнокровную научную систему. Смерть оборвала его работу, когда успех был уже близок: он чувствовал себя Моисеем, глядящим на землю обетованную и знающим, что не успеет вступить на нее (слова из последней записной книжки).

Мареев доходчиво и наглядно, буквально на пальцах, разъясняет, чем именно Выготский обязан Гегелю и Марксу; в чем состоит принцип историзма в науке вообще и в психологии, в частности; как соотносятся в человеке биологическое и социальное; и, наконец, как работает в психологических исследованиях Выготского диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Метод этот требует начинать теорию с *конкретной абстракции*, в которой, как в геноме живой клетки, потенциально заключаются все существенные, внутренне необходимые определения предмета науки. «Как показал Выготский, есть абстракция — сексуальное влечение, рефлекс, гештальт, “персона”, которые не позволяют вывести из них все богатство человеческих определений и человеческих качеств. Наоборот, они *редуцируют*, сводят все богатство, всю конкретность, всю человечность человека к каким-то односторонним определениям... Задача науки заключается в том, чтобы найти такое определение, которое позволяло бы воспроизвести из него все многообразие предмета, все его существенные определения. По отношению к человеку таким определением и такой “абстракцией”, согласно Выготскому, является *практика*» (с. 29).

Вообще говоря, любой марксист обязан с этим согласиться. Коль скоро человека создает труд, значит в простом понятии труда, «практики» и содержатся все *сущностные* определения человека. Но человеческая, культурная психика — лишь один, пусть и высший, слой психической жизни. Психика в тысячу раз древнее труда, ее история должна объясняться из своей собственной «конкретной абстракции».

Выготский, вслед за Спинозой, «альфой и омегой» психической деятельности посчитал *аффект*. Никто из учеников Выготского эту его позицию не поддержал. А ведь здесь — *отправной пункт* его «восхождения к конкретному». Выбор исходной абстракции задает границы предмета науки, в данном случае психологии, и определяет его специфику.

Мареев, так сказать, «выпрямляет» мысль Выготского в духе «деятельностной» психологии А.Н. Леонтьева и Э.В. Ильенкова. Эта школа всерьез развивает ключевой принцип культурно-исторической теории, идущий от Маркса и, если копнуть глубже, от Фихте и Гегеля. Жаль только, что при этом забывается *магистральная линия* «новой психологии» Выготского — линия, которую он связывал с учением Спинозы о силах аффектов и могуществе разума, или о человеческом рабстве и свободе (из заглавий двух последних частей «Этики»). «Свобода: аффект в понятии... *Грандиозная картина развития личности*: путь к свободе. Оживить Спинозизм в марксистской психологии», — писал Выготский незадолго до своей смерти [6, с. 255–256].

Если Маркс дает в руки психологу лишь верный компас, диалектический метод, то у Спинозы психологическая наука должна почерпнуть и свои основополагающие понятия, аксиоматику, постановку проблем: «Не только метод, но и содержание Спинозистского учения о страстях выдвигается в качестве руководящего начала для развития исследований в новом направлении — в направлении уразумения человека» [5, с. 298]. Для Выготского был ценен психолог Спиноза, с его учением о «страстях» и аффектах вообще.

Это конкретное «содержание Спинозистского учения» отсутствует у всех без исключения последователей Выготского и в мировой культурно-исторической психологии — в целом. Мало что смог сказать на сей счет и Мареев. В первом разделе его рассуждения о Спинозе не идут дальше философских принципов монизма и детерминизма. Отметим, что принцип монизма раскрывается им нетривиально, сквозь призму категории деятельности. Это верно. Спинозовская субстанция не мировое *Тело*, как у Гоббса, а мировое *Дело* — вечно действующий во всей природе закон, всеобщий принцип взаимодействия вещей, равно как и идей. «Монизм Спинозы преодолевает картезианский дуализм не формально, а содержательно, только через *деятельность*. И если последнюю не увидеть у Спинозы хотя бы в зачатке и в потенции, то монизм останется деревянной фразой, и не более. Но Выготский не усмотрел у Спинозы деятельности...» (с. 26).

Меж тем Выготский всячески подчеркивал деятельностьную основу Спинозовского учения. Данное в «Этике» определение аффекта как *регулятора деятельности* представляет собой «отправной пункт всего учения о страстях». В экспериментах У. Кеннона Выготский с удовлетворением находит подтверждение этому: «Нельзя не видеть, что экспериментальное доказательство динамогенного влияния эмоций, поднимающего индивида на более высокий уровень деятельности, является вместе с тем и эмпирическим доказательством мысли Спинозы, которая понимает под аффектами такие состояния тела, которые увеличивают или уменьшают способность самого тела к деятельности» [5, с. 101–102].

В разделе третьем, «Искусство», Мареев комментирует Спинозовскую дефиницию аффекта в том же самом ключе и даже с примерами, аналогичными тем, что приводит Выготский. «У Спинозы речь идет о

способности к *действию*. Если выразить эту идею более последовательно, то можно сказать, что аффект — не *состояние* тела, а *начало действия* тела... Это *подготовка* к действию. Но вместе с тем это уже само *действие*» (с. 170). Однако Выготский, по мнению Мареева, этой деятельностной природы аффекта у Спинозы не разглядел и впал поэтому в *дуализм* — «по существу тот же», что и у Декарта с Дильтеем...

Тут приключился библейский казус: своя своих не познаша и ни за что побиваша. Выготский тоже отстаивал «... монистическое понимание эмоций как энергетических и мотивационных побуждений, детерминирующих переживание и поведение» [5, с. 214]. Эта «динамическая природа аффекта» выступает на первый план «в новой психологии эмоций», указывал Выготский со ссылкой на исследования К. Левина и М. Принца. «Эмоция, следовательно, не может играть пассивную роль эпифеномена. Она должна делать нечто... Мы сознаем, что эмоция и чувство активируют нас», — цитирует он Принца, делая собственный вывод в духе Спинозы: «С логической необходимостью такое понимание предполагает преодоление дуалистического подхода к аффективной жизни и выдвигает понимание аффекта как целостной психофизиологической реакции, включающей в себя переживание и поведение определенного рода и представляющей единство феноменальной и объективной сторон» [5, с. 170—171].

Неоднократно и подробно — не только в связи со Спинозой, но и, особенно, в трудах по детской психологии — Выготский писал о мотивационной роли аффекта в предметной деятельности. Писал о характерном для раннего детства «полном единстве аффекта и деятельности» и о «возникновении волевого овладения своей аффективной жизнью в переходном возрасте» [1, с. 369, 168]. Говорил об «аффективном действии», путем культурного преобразования которого и возникает *человеческая воля*, «волевой процесс в собственном смысле слова» [3, с. 458].

Э.В. Ильенков же, который, по утверждению Мареева, «додумывал Спинозу» в деятельностном направлении, спиновскую теорию аффектов проигнорировал целиком и полностью. Даже размышляя о понятии свободы воли у Спинозы, Ильенков ни словом, ни звуком этой теории не коснулся, хотя в чем же еще, по Спинозе, может состоять человеческая свобода, как не в овладении собственными аффектами?

А первым, еще в самом начале 30-х гг., размежевался с учителем А.Н. Леонтьев. Как случилась эта «конфронтация двух линий на будущее», видно из его не так давно опубликованных воспоминаний и «методологических тетрадей».

«Линия Выготского: аффективные тенденции, эмоции, чувства. Это — за сознанием. *Жизнь аффектов: отсюда поворот к Спинозе*.

Я: практика.

... У Выготского осталось всё, у меня — *всё сначала*» [7, с. 38—42].

На той же позиции «практики» твердо стоит С.Н. Мареев. В его книге Выготскому делается следующий упрек: «В анализе рефлексивности сознания

Выготский не углубляется до ее деятельностно-практической природы, о чем пойдет речь у А.Н. Леонтьева и Э.В. Ильенкова» (с. 111). Подразумевается, что двое последних не ушли от Выготского в сторону, а просто «углубили» его понимание природы сознания.

Немецкую исследовательницу Жанетту Фридрих Мареев винит в попытке «вбить клин» между Выготским и Леонтьевым и подорвать единство культурно-исторической школы в советской психологии... Да ведь сам Леонтьев черным по белому писал о своей «конфронтации» с Выготским, с указанием точной даты, когда был достигнут, по его словам, «апогей расхождений» — конец 1932 г., резко осудив «поворот к Спинозе», как ведущий в тупик.

Понятие практики (предметно-практической деятельности, труда) схватывает *субстанцию* человеческой психики, но у теоретиков «деятельностного подхода» эта субстанция предстает как первичный *модус*, «клеточка», из которой надлежит вывести все конкретные психологические феномены.

Выготский же никогда не смешивал субстанцию — «Дело» — с ее собственными модусами и не пытался вывести какие-либо явления психики напрямую из «практики». У него разные «клеточки» для разных психологических формаций: единицу «речевого мышления» он усматривает в *значении слова*, а «динамическую единицу сознания» — в *переживании* [1, с. 382—383]. Элементарной же «клеточкой» психики вообще, со всеми ее натуральными и культурными формобразованиями, является, как уже отмечалось, *аффект*.

Похожим образом обстоит дело у Маркса: субстанцией всемирной истории является *труд*, а вот «клеточка» у каждой экономической формации своя. Причем «клеточка» капиталистической формации, модус труда — *товар*, обречена историей на полное исчезновение.

Среди историков психологии широко бытует представление, будто Выготский в разные периоды своего творчества принимал за «клеточку» психики то одно, то другое — как-то раз даже совершил «семиотический поворот» (откровенная чепуха, по-моему). На самом деле, для всякой психологической формации Выготскому требовалась *своя, конкретная* абстракция, схватывающая специфичный для данной формации принцип взаимосвязи душевных явлений.

Сторонники же «деятельностного подхода» в психологии сплошь и рядом пытаются выводить психические явления из «практики» *напрямую*, либо попросту сводят их к «практике» при помощи наглядных примеров. (Исключение у Мареева — сфера искусства: элементарной «клеточкой» тут признается *метафора*, а не практика как таковая.)

С таких позиций Мареев и критикует взгляды Выготского, исправляет их, и ищет пути дальнейшего развития. В этом есть свой резон. «Деятельностный подход» — одна из родных ветвей культурно-исторической психологии. Он позволяет существенно развить эту теорию, что и было проделано уже А.Н. Леонтьевым и его соратниками. Вот только развитие это оказалось односторонним, ибо пропала из виду *«центральная проблема* всей психологии — свобода», как

ее понимал Спиноза. Она осталась на другой стороне Луны вместе со спиновским понятием аффекта как простейшей формы психической деятельности.

Книга С.Н. Мареева — это не столько комментарий к текстам Выготского, сколько методологический анализ понятий «культурной психологии» и опыт самостоятельной работы с этими понятиями в области педагогики и в теории искусства. Для мареевских вариаций на темы Выготского тексты классика служат лишь опорными пунктами, а иногда и просто канвой для развития собственных мыслей автора. Читатель найдет тут массу свежей пищи для ума, с долей юмора и приправой из острой полемики. Кому-то эта пища придется по вкусу, кому-то — нет, но психологу ознакомиться с ней, считаю, весьма и весьма желательно.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1983. 432 с.
2. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Исторический смысл психологического кризиса. С. 291—436.
3. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Мышление и речь. С. 5—261.
4. *Выготский Л.С.* Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 1. Драматургия и театр. М.: Левъ, 2015. 752 с.
5. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Учение об эмоциях. Историко-психологическое исследование. С. 91—318.
6. Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное. М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 608 с.
7. Устная автобиография А.Н. Леонтьева // *Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е.* Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005. С. 367—385.

евских вариаций на темы Выготского тексты классика служат лишь опорными пунктами, а иногда и просто канвой для развития собственных мыслей автора. Читатель найдет тут массу свежей пищи для ума, с долей юмора и приправой из острой полемики. Кому-то эта пища придется по вкусу, кому-то — нет, но психологу ознакомиться с ней, считаю, весьма и весьма желательно.

References

1. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 4. Detskaya psikhologiya* [Collected Works: in 6 vol. Vol. 4. Child psychology]. Moscow: Pedagogika, 1983. 432 p.
2. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 1. Istoricheskii smysl psikhologicheskogo krizisa* [Collected Works: in 6 vol. Vol. 1. The historical meaning of the crisis in psychology]. Moscow: Pedagogika, 1983, pp. 291—436.
3. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 2. Myshlenie i rech'* [Collected Works: in 6 vol. Vol. 2. Thinking and speech]. Moscow: Pedagogika, 1982, pp. 5—261.
4. Vygotskii L.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 16 t. T. 1. Dramaturgiya i teatr* [Complete Works: in 16 vol. Vol. 1. Dramaturgy and theater]. Moscow: Lev", 2015. 752 p.
5. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 6. Uchenie ob emotsiyakh. Istoriko-psikhologicheskoe issledovanie* [Collected Works: in 6 vol. Vol. 6. The teaching about emotions. Historical-psychological studies]. Moscow: Pedagogika, 1984, pp. 91—318.
6. *Zapisnye knizhki L.S. Vygotskogo. Izbrannoe* [Vygotsky's Notebooks. A selection]. Moscow: Izdatel'stvo «Kanon+» ROOI «Rea-bilitatsiya», 2017. 608 p.
7. *Ustnaya avtobiografiya A.N. Leont'eva* [A.N. Leontiev's oral autobiography]. In Leont'ev A.A. (eds.), *Aleksei Nikolaevich Leont'ev. Deyatel'nost', soznanie, lichnost'* [Alexey Nikolaevich Leontiev. Activity, consciousness, personality]. Moscow: Smysl, 2005, pp. 367—385.